

Польские могилы в Саратове.

Не всегда и не всё можно было писать и печатать о том, что я чувствовал и видел.

Во время вынужденной поездки в восточную часть Европы, я попал в Саратов, где жил с 1899 до 1902 года. Знакомясь с городом и посещая его достопримечательности, я бродил по городским кладбищам, которых тогда было несколько: католическое, православное, протестантское, караимское, татарское, кладбища староверов и субботников.

(Кроме действующих кладбищ, были также старые, переполненные и с какого-то времени не используемые).

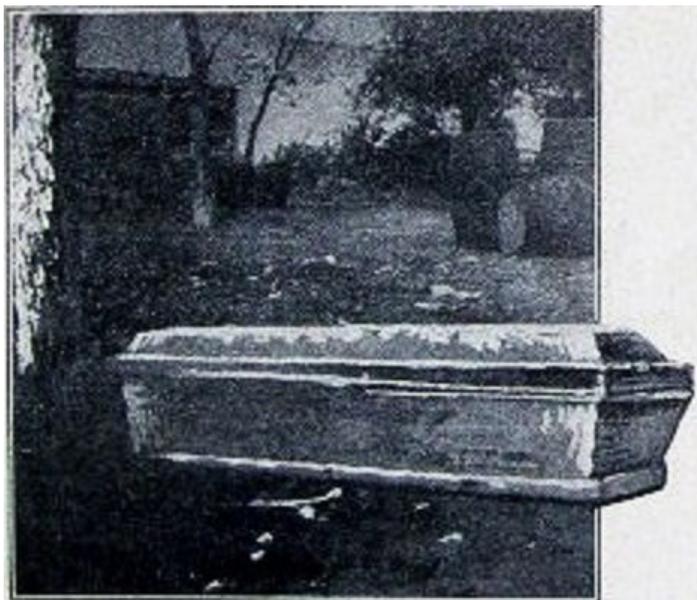
На одном из таких старых православных кладбищ, где когда-то хоронили и католиков, не имевших тогда собственного кладбища, я и нашел надгробия, надписи на которых привлекли мое внимание. Расшифровать надписи было на них очень непросто, так как на месте заброшенного кладбища проложили улицу, поделили землю на участки, а памятники сломали или приспособили под хозяйственные нужды.

Надгробия, о которых я пишу, находились в плачевном состоянии, о чём свидетельствует фотография, сделанная на месте. Одно надгробие лежало за домом, другое, посреди двора, служило каменной скамейкой.

Когда я невольно оказался в том месте, то усидел высокое каменное надгробие, усыпанное засохшими картофельными очистками, а рядом и стояло корыто, из которого ела лошадь. Но я не могу сказать, что такое окружение жизни и природы произвело на меня угнетающее впечатление. Палящее солнце того знойного лета бросало сквозь листья деревьев яркие вспышки и тени на этот образ, соединяющий в себе прошлое и настоящее, смерть и жизнь. Проникшись настроением момента, мой взгляд упал на несколько латинских букв, высеченных на камне. Это казалось почти невероятным для этого кладбища, поэтому я наклонился ближе и смог разобрать фамилию: "Мицкевич".

Я смахнул с памятника шелуху, не тронув корыто, и, очистив рукой засохшую землю с букв, прочитал:

Здесь покоится Стефан Мицкевич, врач, выпускник виленского университета, урождённый в минской губернии в 1792 году от Рождества Христова, умерший 20-го дня февраля 1825 года.

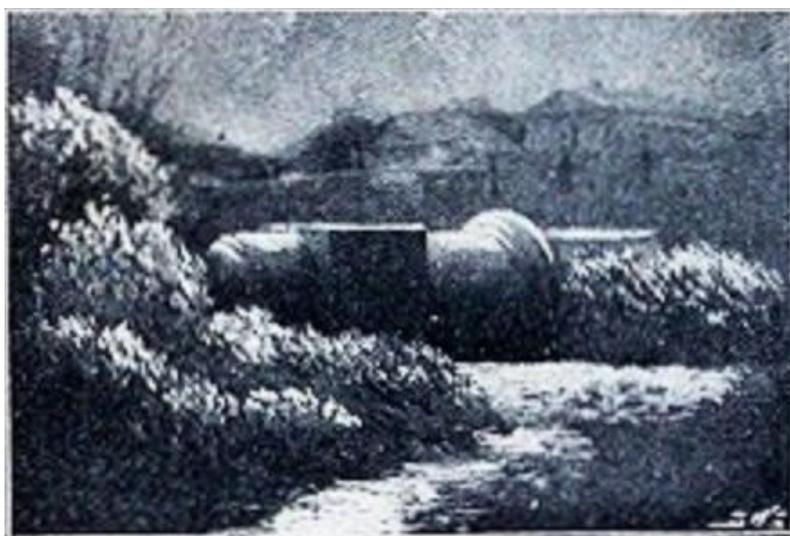

Надгробие Стефана Мицкевича, установленное в 1825 году на старом кладбище.

В генеалогическом древе поэта никакого Стефана Мицкевича не было, да и родственник Адама и выпускник виленского университета заслужил бы в этой связи почести от тех соотечественников, которые жили в Саратове. Я решил, что моим долгом должно стать восстановление этого надгробия.

Возвращаясь с этими мыслями, я наткнулся на поваленный памятник из цветного полированного гранита. Часть надписи была скрыта травой, но склонившись, можно было прочесть надпись на польском языке, выполненную с большим количеством ошибок:

Под этим монументом покоятся останки ясновельможной графини Белинки из дома князя Галицки, маршалка надворного коронного Польши, старосты гарволинской, рождённой в 1775 году, умершей в 1826 году в возрасте 51 года

Памятник маршалке Белинской, умершей 1827 г., на старом кладбище в Саратове.

Записи, сделанные с костёла и история рассказали всё остальное.

"Белиники" написано вместо Катаржины Белинской, а "князь Галицки" - это "Голицын". Наконец, даты также указаны неверно, потому что, по данным церковных книг, жена печальной памяти маршала гродненского сейма родилась в 1797 году, а умерла 8 июля 1827 года.

Белинский за заслуги во время работы в гродненском сейме, был удостоен милостью посла Сиквестра надворным придворным маршалком "Целой Польши", как гласит надпись.

Сын Белинских, Станислав, умер в Саратове, как католик, 10 июня 1837 года и был похоронен на этом кладбище. Однако его могилы я не нашел, и единственный след о нём остался в саратовских приходских книгах.

Там же я нашел упоминание, что в 1838 году был похоронен Светлой памяти Александр Потоцкий в 1795 году. Смерть застигла его во время путешествия. А 20 апреля 1843 года была похоронена Паулина Шемешова, дочь Евы Белинской и сестра бывшего архиепископа варшавского. Шемешова находилась здесь, разделив изгнание со своим мужем, Адамом, бывшим студент философии в вильнюсском университете. Умерла в возрасте всего 33 лет. Эту информацию надлежало показать и передать родственником для памяти.

Единственным логичным решением было перенести сохранившийся памятники во двор римско-католической костёла, памятник и надписи обновить, а для Паулины Шемешовой изготовить памятную доску. Поделившись своими мыслями с соотечественниками в Саратове и получив материальную поддержку, я приступил к делу. Я был уверен, что сразу получу разрешение властей на вывоз старых памятников, разбросанных по пустырям и задворкам старого кладбища. Но я сильно ошибался; чтобы легально и открыто приступить к переносу памятников, не даже не касаясь останков, погребённых там несколько десятков лет назад, мне нужно было получить разрешение губернатора, православной духовной консистории и археологической комиссии (которая, к слову, никогда не работала).

После урегулирования необходимых формальностей, что потребовало несколько недель, памятники были сняты с постаментов, на которых они простояли три четверти века, и доставлены к каменщику. После восстановления памятники были установлены на кирпичных основаниях во внешнем дворе костёла, рядом с входом в ризницу, и отгорожены металлической оградой.

Над памятниками, получив разрешение местного пастора, а позже епископа, графа Ежи Шембека, и его преемника князя каноника Штанга, были закреплены две каменные таблички.

Год 1901 от Рождества Христова

Чествуя память институции, с которой были связаны усопшие при жизни, были отреставрированы надгробия Светлой памяти Катаржины Белинской, жены маршалка Гродненского сейма 1793 года рождения, а также Светлой памяти Стефана Мицкевича, врача, студента вильнюсского университета, и перенесены со старого общего кладбища у Волги.

Польская общественность

Другая табличка, закреплённая рядом, гласила:

Светлой памяти

Паулина Шемешова,

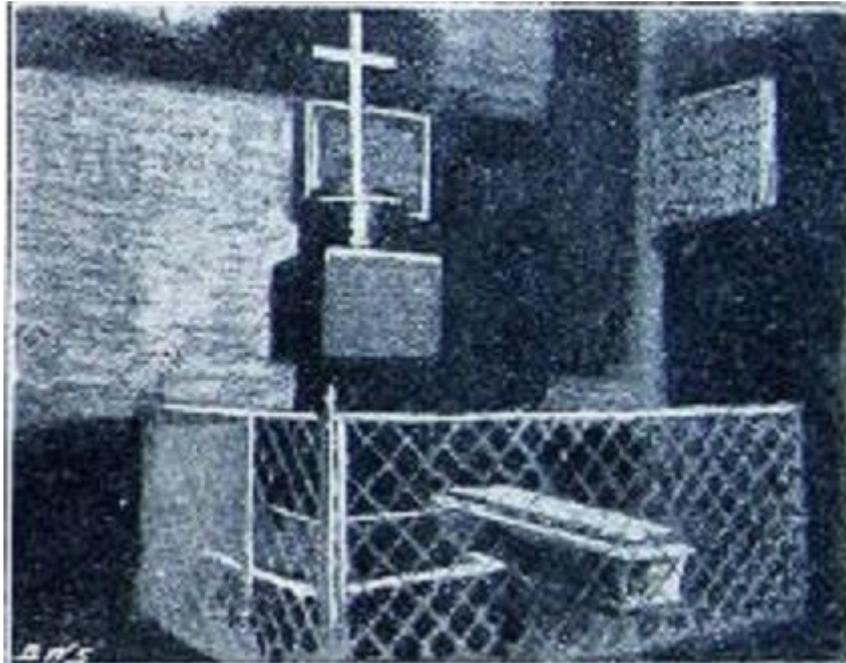
дочь Евы Белинской, сестра Зигмунда, архиепископа варшавского, в возрасте 33 лет, в Саратове дня 18 апреля 1843 года, похоронена на старом кладбище на берегу Волги. где до 1846 года хоронили и католиков. Доска установлена в 1901 году на средства польского сообщества.

Когда все уже было готово, памятники после траурной мессы за души вышеуказанных умерших были освящены и переданы под опеку костёла. Расходы составили 69 руб. 30 коп., собранные нами. Посредничество в сборе и контроле расходов любезно оказали доктор Узембло, Станислав Рошковский, инженер Х. Цывиньски и Т. Бялостоцкий, одни из наиболее энергичных членов польского сообщества Саратова.

Таким образом, соотечественники, загнанные волей судеб далеко от Родины, пусть живо вспоминают и заслуженное имя Белинских, и свидетельство о том, что когда-то в Польше существовал сейм, и был он в должности маршала, что был вильнюсский университет, что были наши земляки, которые здесь жили, скучали, умирали...

Иногда лучше говорить об институтах и учреждениях, чем о тех, кто в данный момент их развивал. Об это я думал, реставрируя памятник жене маршала гродненского сейма.

Заглянем теперь на более новое кладбище, на котором с 1846 сейма хоронили только католиков. На надгробиях можно встретить прежде всего немецкие надписи, поскольку католики-немцы составляют большинство в местной епархии. Но встречаются, однако, помимо польских, надписи и на русском и французском языках. Словом, в этом отношении налицо удивительная терпимость. Однако если присмотреться пристально, то увидим, что на некоторых деревянных крестах надписи замазаны зеленой мастикой.

Надгробия во дворе саратовского костёла.

Со временем мастика местами отлетела или треснула, и надпись под ней оказалась видна: „Великий Боже, избавь народ, страдающий на земле, и души, погибшие в неволе.

Поляк Томаш Будный из Полоцкого повята, Николай Рыцельник из Кракова, Алоизы Доброслав Ольский с Ловичского повята, Мартин Грызецкий из Галиции, Андрей Серадзкий из Мазовии, все умерли в шестидесятых годах прошлого столетия, у всех установлены похожие кресты. Своеобразная карта, на которой запечатлелась история нашего народа...